

Гин (Гинзбургский) Виктор Борисович

Адрес: Ха-Нуриг 102/40
96511, Иерусалим, Израиль

Тел. 972-2-6437134

Электронный адрес: victorgin@gmail.com

ВИКТОР ГИН

ТЫ ОПОЗДАЛ, САТАНА !

**(Зонг-драма по роману Леонида Андреева «Дневник Сатаны» –
в 2-х действиях)**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВАНДЕРГУД – он же Сатана

МАГНУС

МАРИЯ

ТОППИ, секретарь Вандергуда

КАРДИНАЛ

1-й журналист

2-й журналист

ЭКС-КОРОЛЬ

ХУДОЖНИК

БАРД, артист, исполняющий зонги

САТАНА. Вижу, что ты готов закидать меня вопросами, узнав, что я –
вочеловечившийся Сатана: ведь это так интересно – каковы порядки у нас в аду,
существует ли бессмертие, а также каковы цены на каменный уголь на
последней адской бирже? Не в силах удовлетворить твоё законное любопытство,

ибо я не хочу лгать. Если я скажу, что чертей нет, я обману тебя. Но если я скажу, что они есть, я также обману тебя. Даже о моём вочеловечении я могу рассказать тебе очень мало понятного. Когда я захотел придти на землю, я нашёл одного подходящего, как помещение, 38-летнего американца, мистера Генри Вандергуда, миллиардера, и убил его..., конечно, ночью и без свидетелей. Но притянуть меня к суду ты всё-таки не можешь, так как американец жив – он просто сдал мне пустое помещение... и вернуться обратно я могу, к сожалению, только через смерть. Но мне стало скучно в аду, и я пришёл на землю, чтобы лгать и и г р а т ь. Что такое ложь, ты хорошо знаешь, и об игре можешь судить по твоим театрам и знаменитым актёрам. В настоящую минуту я ещё неведомый артист, но надеюсь стать знаменитым. Самой пьесы я ещё не знаю, но её сочинит Судьба, а моя скромная роль для начала – роль человека, который так полюбил других людей, что хочет отдать им всё: душу и деньги. Ты не забыл, что я – миллиардер? У меня три миллиарда. Достаточно, не правда ли? Теперь ещё одна подробность, чтобы закончить свой затянувшийся монолог: со мной разделит мою судьбу мой секретарь, некто Эрвин Топпи, который явился на землю тоже о т т у д а, то есть, из ада, и тем же способом. Он непроходимо глуп, даже для земли, и я уже несколько раскаиваюсь, что из богатого нашего запаса не выбрал для себя скотины получше, но меня соблазнила его честность и некоторое знакомство с землёй: когда-то давно он уже принимал человеческий облик и настолько проникся религиозными идеями, что – подумай! – вступил в монастырь и мирно скончался под именем брата Винцента. Его прах стал предметом поклонения для верующих – недурная карьера для чёрта!.. Ну и довольно.

ЗОНГ ПЕРВЫЙ – ПЕСНЯ ЧЁРТА

На земле такой простор –
Заблудиться можно.
Кто тут честный, кто тут вор,
Разобраться сложно.
Потрудился я не зря,
Ай-да молодчина! –
Миром, честно говоря,
Правит чертовщина.

ПРИПЕВ: Для чего у чёрта уши? –
Чтобы людям помогать:
Продавайте ваши души,
Если нечего продать.
Сразу счастье улыбнётся,
Все сомненья сокруша.
Лучше всех тому живётся,
Кто продажная душа.

На земле сегодня век
Очень нехороший:
Хочет добрый человек

Чёрта укокошить.
Но напрасно всё равно
Ваше дон-кихотство:
Племя чёртово давно
В маске благородства.

ПРИПЕВ:

(Тьма. Вандергуд и Топпи с трудом пробираются вперёд. Останавливаются передохнуть.)

ВАНДЕРГУД. Это ж надо было, чтобы наш поезд полетел к чёрту почти у самого Рима!

ТОППИ. Катастрофа. Нередкое явление на земле.

ВАНДЕРГУД. Скорее бы найти ночлег. Ужасно хочется пить.

(Слабо мерцает огонёк. Путники идут на его свет и вскоре стучат в дверь маленького домика.)

ГОЛОС (из-за двери, сурово). Кто вы? Что надо?

ТОППИ. Впустите ради бога. Наш поезд попал в катастрофу, мало кто остался жив. Мы идём издалека, устали. Впустите!

(Двери открывает суровый человек, впускает в комнату: книги, лампа...)

МАГНУС. Садитесь... Значит, катастрофа?... Это часто бывает на наших дорогах. *(Вынимает из стола револьвер, прячет в карман)*. Здесь не совсем спокойная окраина. Что ж, милости просим, оставайтесь у меня. Сейчас я дам вам вина и что-нибудь поесть. *(Достаёт вино, снедь)*. Прислуга приходит ко мне только днём, так что я вынужден лично вам прислуживать.

ВАНДЕРГУД *(жуя)* Благодарим вас, синьор...

МАГНУС. Меня зовут Магнус. Фома Магнус. Вы американцы?

ТОППИ. Мистер Генри Вандергуд из Иллинойса. Его секретарь, Эрвин Топпи, ваш покорный слуга. Граждане Соединённых Штатов.

МАГНУС *(пристально смотрит на Вандергуда)*. Мистер Вандергуд? Генри Вандергуд? Это не вы, сударь, тот американец, миллиардер, что хочет облагодетельствовать человечество своими миллиардами?

ВАНДЕРГУД. Уйес, я

ТОППИ. Уйес, мы.

МАГНУС *(к залу)*. Удача сама идёт мне в руки. Я ждал её всю свою жизнь. Но спокойно, Магнус, спокойно... *(кланяется обоим и насмешливо)* Человечество ждёт вас, мистер Вандергуд. Судя по римским газетам, оно в полном нетерпении!... Но мне надо извиниться за свой скромный ужин, я не знал...

ВАНДЕРГУД. Оставьте, синьор Магнус! Прежде, чем стать миллиардером, я был свинопасом. А вы – прямой, честный и благородный джентльмен. Чёрт возьми, ещё ни одно лицо не будило во мне такой симпатии, как ваше! *(Топпи издаёт хрип)*

МАГНУС. Пусть спит. Он переволновался и устал. Я не верю, мистер Вандергуд, что вы, человек умный, деловой, могли возлагать какие-нибудь серьёзные надежды на ваши деньги.

ВАНДЕРГУД. Три миллиарда – огромная сила, Магнус!

МАГНУС. Да, огромная сила, но что вы можете сделать с ними?

ВАНДЕРГУД (*смеётся*). Вы хотите сказать: что может с ними сделать этот бывший свинопас, которому золото бросилось в голову? Да, конечно, что я могу сделать? Ещё один университет в Чикаго? Ещё богodelьню в Сан-Франциско? Ещё одну гуманную исправительную тюрьму в Нью-Йорке?

МАГНУС. Последнее было бы истинным благодеянием для человечества. Не смотрите на меня так укоризненно: я нисколько не шучу, во мне вы не найдёте той... беззаветной любви к людям, которая так ярко горит в вас... Да, я их не люблю, но я рад, что ваши миллиарды...

ВАНДЕРГУД. Три миллиарда, Магнус! На эти деньги можно создать новое государство...

МАГНУС. Да?!

ВАНДЕРГУД. Или разрушить старое. На это золото можно сделать войну, революцию...

МАГНУС. Да?! А вы знаете точно, что нужно вашему человечеству: создание нового, или разрушение старого государства? Война, или мир? Революция, или покой? Кто вы такой, что берётесь решать эти вопросы?

ВАНДЕРГУД. Вы правы, синьор Магнус, кто я такой, чтобы решать? Но я не решаю. Я только ищу ответа, ответа и человека, который мне его даст. Мои замыслы широки и... величественны. Поверьте в человека, Магнус, и помогите мне, если вы знаете, что нужно человеку.

МАГНУС (*холодно и угрюмо*). Ему нужны тюрьмы и эшафот.

ВАНДЕРГУД (*с негодованием*). Вы клевете на себя, Магнус! Я вижу, что вы пережили какое-то тяжёлое горе, быть может, измену, я...

МАГНУС. Остановитесь, Вандергуд! Я не люблю говорить о себе. Достаточно сказать, что за четыре года вы первый нарушаете мой одиночество, и то благодаря случайности. Я не люблю людей.

ВАНДЕРГУД. О! Простите, но я не верю.

МАГНУС (*улыбаясь*). Я вас невольно испугал, мистер Вандергуд? Пустяки! Просто этот разговор, которого я уже не вёл много лет, слишком волнует меня и... Спокойной ночи! Завтра я буду иметь честь представить вас моей дочери. А сейчас... (*уходит, но вдруг оборачивается и резко протягивает свои руки*). Вы видите эти руки? На них кровь. Пусть кровь злодея, мучителя и тирана, но всё та же красная человеческая кровь. Спокойной ночи!

ЗОНГ ВТОРОЙ. ТРЕВОГА

Позёмке дано клубиться. Звёздам дано сиять.

Шумно летят орлы. Тихо скребутся мыши.

Где взять мне такие руки, чтобы весь мир обнять?

Слух где такой мне взять, чтобы весь мир услышать?

Трусливому нет удачи, смелого ждёт успех.

Ходит в тряпье бедняк, в смокинг одет вельможа...

Где взять мне такое счастье, чтоб разделить на всех?

Ум где такой мне взять, чтобы на всех помножить?

Сегодня танцуют люди, завтра идут на смерть.
Небу нельзя упасть! Солнцу нельзя померкнуть!
Где взять мне такое сердце, чтоб всех друзей согреть,
Гнев где такой мне взять, чтоб всех врагов повергнуть?

Позёмке дано клубиться, звёздам дано светить.
Память о тех, кто пал, вечно тревожить будет.
Где взять мне такое слово, чтоб всех людей сплотить?
Жизнь где такую взять, чтоб пригодилась людям?

(Утро. Вандергуд бреется и поглядывает в окно. Рядом Топпи)

ВАНДЕРГУД. Однако, эта каналья Вандергуд обрастает щетиной так же быстро, как его золотоносные свиньи.

ТОППИ. Да, человек спит, а борода у него растёт и растёт. Так надо для цирюльников.

МАГНУС *(входя)*. Любуется природой?

ВАНДЕРГУД. Люди меня больше интересуют.

МАГНУС *(сдержанно)* Два слова о людях, мистер Вандергуд. Сейчас вы увидите мою дочь Марию. Это мои три миллиарда. Вы понимаете?! Но этого золота не родит ваша Калифорния. Это – золото небес. Я человек неверующий, но даже я, даже я, мистер Вандергуд, испытываю сомнения, когда встречаю взор моей Марии. Вот единственные руки, в которые вы спокойно могли бы отдать ваши миллиарды.

ВАНДЕРГУД. Я старый холостяк.

МАГНУС. Не бойтесь, она их не возьмёт. Её нежные руки никогда не должны знать этой золотой грязи. З д е с ь ей монастырь, сударь, и выход отсюда для неё только один: в неземное светлое царство, если оно есть. И не пытайтесь приударить за моей дочерью. Жизнь и люди не для Марии и ... достаточно того, что я знаю жизнь и людей. Мой долг был п р е д у п р е д и т ь вас, а теперь, прошу, господа, к столу.

(Едят. Входит Мария. Топпи первый видит её и начинает давиться.)

ВАНДЕРГУД. Топпи! Что с тобой? Выпей воды.

МАГНУС. *(холодно)* Моя дочь Мария. Мистер Генри Вандергуд.

(Вандергуд видит Марию. Она необыкновенно красива и ,как две капли воды, похожа на Мадонну).

ТОППИ *(хрипло и испуганно)*. Мадонна!

ВАНДЕРГУД *(к залу)*. Да, Мадонна. Мой дурак прав, и я, сам Сатана, понимаю его испуг. Мадонна, которую люди видят только в церквах, на картинах, в воображении, Мария, имя которой звучит только в молитвах, небесная красота, всепрощение и вселюбовь! Звезда морей! Я чуть было не сказал: «Сударыня, я никак не ожидал, что встречу вас з д е с ь и никак не ожидал, что этот чернобородый чудаки имеет честь называть вас с в о е й дочерью. *(Кланяется)* Здравствуйте, синьорина, очень приятно.

МАГНУС. Кушайте же, мистер Топпи. Вы ничего не пьёте, мистер Вандергуд, вино превосходное.

ТОППИ. *(хрипло и решительно)*. С вас кто-нибудь писал портрет, синьорина?

МАГНУС (*сурово*). Мария не позирует для художников! Пройдёмте в сад. Мария покажет вам свои цветы. (*Все встают и выходят*).

ЗОНГ ТРЕТИЙ. Я – ЛЮБОВЬ.

В королевстве моём не бывает господ и рабов,
Хоть все люди земли поклоняются мне век за веком.
Я – царица их дум, королева добра, я – Любовь.
Без меня человек никогда бы не стал Человеком.

В королевстве моём разливается море садов,
Золотые хлеба колосятся от края до края.
Это всё для меня человек сотворил, я – Любовь,
И над ним каждый миг я ладони свои простираю.

Королевство моё на дверях не имеет замков.
Мир входящим сбда, разрешается петь и смеяться.
Это дети мои, я их крёстная мать, я – Любовь,
И пока я живу, на земле будет жизнь продолжаться!

(*Возвращаются без Марии*)

МАГНУС. Ну вот и всё. Рад был познакомиться. Вам пора ехать в Рим, мистер Вандергуд, о вас, наверно, беспокоятся.

ВАНДЕРГУД. Но я не спешу и могу послать Топпи.

МАГНУС (*насмешливо*). Едва ли этого будет достаточно.

ВАНДЕРГУД. Что ж, хорошо, синьор, я сейчас уеду.

МАГНУС. Я уже послал за экипажем. Не правда ли хороша природа?

ВАНДЕРГУД. Да, превосходна! Эрвин, мой друг, оставьте нас на минуту, мне надо сказать два слова синьору Магнусу. (*Топпи выходит*). Вы не замечали, дорогой Магнус, некоторого, даже очень большого сходства вашей дочери с одной... весьма известной особой? Вам не кажется, что она похожа на Мадонну?

МАГНУС. Мадонну? Нет, не замечал. Я не бываю в церкви.

ВАНДЕРГУД. Будем говорить прямо, синьор Магнус. Я человек прямой, и я люблю вас. Хотите ехать со мною и быть распорядителем моих миллиардов?

МАГНУС (*к залу*). Хочу ли я? Мечтаю! И не распорядителем, а владельцем! (*после паузы*). Я должен ответить вам отказом. Я не сказал вам одной вещи, но ваша прямота и доверчивость понуждают меня к откровенности: я должен до известной степени скрываться от полиции...

ВАНДЕРГУД. Римской? Мы её купим.

МАГНУС. Нет, скорее... международной. Но дело не в полиции, которую можно купить. Дело в том, что я не могу быть вам полезен. Зачем я вам? Вы любите человечество, я его презираю. Пусть его живёт и не мешает жить мне. Оставьте мне мою Марию, оставьте мне право и силу презирать людей – это всё, чего я хочу. Всё масло во мне выгорело: перед вами потухшая лампада. Прощайте.

ВАНДЕРГУД. Я не прошу вас об откровенности.

МАГНУС. Простите, но вы её никогда и не получите. Моё имя вымышленное. Но оно единственное, которое я могу предложить своим друзьям.

ВАНДЕРГУД (*к залу*). Этот человек знает, чего стоит человеческая жизнь. У меня даже мелькнула догадка: у моего Отца много побочных детей, праздно болтающихся по свету – не один ли из этих скитальцев и Фома Магнус? Неужели я на этой земле встречу брата? Очень интересно. Но и с чисто человеческой деловой точки зрения нельзя не уважать человека, у которого руки в крови! (*К Магнусу*). Ну хорошо, синьор. Разрешите мне хоть изредка приезжать к вам за советом.

МАГНУС (*колеблясь*). Приезжайте, мистер Вандергуд. Я надеюсь услышать от вас много интересного. И мистер Топпи очень понравился моей Марии.

ВАНДЕРГУД (*поперхнувшись*). Топпи?

МАГНУС. Да. Она нашла в нём сходство с каким-то святым. Мария часто посещает церковь, мистер Вандергуд.

(*Магнус выходит проводить гостей*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Богатая зала. Вандергуд один.

ВАНДЕРГУД. Я пришёл на эту землю, чтобы весело лгать и играть, и мне вовсе не нравится быть тем бездарным актёриком, что горько плачет за кулисами, а на сцену выходит с сухими глазами. А тем временем весь Рим шумит вокруг меня. Я необыкновенно знаменит своей любовью к людям, ко мне текут на поклонение не меньшие толпы, чем к самому наместнику Христа. Два папы сразу... Да, счастливый Рим не может назваться сиротою. Для меня отреставрирована эта историческая вилла. Художники, скульпторы, поэты... (*Входит группа людей, почтительно располагаются в отдалении. Кто-то начинает писать портрет с Вандергуда*).

ВАНДЕРГУД (*к художнику*). А вы можете написать Мадонну?

ХУДОЖНИК. Конечно, синьор, если пожелаете, но мне надо побегать по Риму, поискать оригинал, натуру.

ВАНДЕРГУД. Но если вы найдёте такую натуру, синьор художник, то просто приведите её ко мне. Зачем тратить краски и полотно?

ХУДОЖНИК (*сально хихикая*). Ах, сеньор!.. Натуру?!..

ВАНДЕРГУД (*к залу*). Радость римских газет, узнавших, что я не погиб при катастрофе и не потерял ни ноги, на миллиардов, равняется радости иерусалимских газет в день неожиданного воскресения Христа... А вчера я летал на аэроплане над Римом и окрестностями.

1-й ЖУРНАЛИСТ. Вы не находите, что очень похожи на своего президента?

ВАНДЕРГУД (*к залу*). Это они льстят моему американскому патриотизму.

2-й ЖУРНАЛИСТ. Не правда ли, мистер Вандергуд, сознание, что вы парите в воздухе, наполнило вас чувством гордости за человека, который завоевал...

ВАНДЕРГУД (*перебивая*). Представьте, синьор, нет! Я раз только испытал чувство гордости за человека, и это было... в уборной парохода «Атлантик».

2-й ЖУРНАЛИСТ. О! В уборной! Но что же случилось?

ВАНДЕРГУД. Особенного ничего. Но я был поражён гением человека, который из такой отвратительной необходимости, как уборная, сумел сделать истинный дворец! Истинный храм, в котором вы первосвященник!

1-й ЖУРНАЛИСТ. О?! Позвольте записать. Это такой... такое оригинальное освещение вопроса.

ВАНДЕРГУД (*к залу*). И сегодня э т о кушал весь вечный город. И меня не только не выслали из города, а нанесли мне официальные визиты многие высокопоставленные лица. Ах, как скучно участвовать в старой и заезженной пьесе. А я хочу великой игры! Лишь одно утро мне удалось провести с интересом: какая-то церковь пригласила меня прочесть воскресную проповедь. О чём я не говорил! Я ныл о моём грустном детстве, проведённом в труде и лишениях, я завывал о моём бедном отце, погибшем на спичечной фабрике, я тихо скулил о всех моих братьях и сёстрах во Христе. Как мы все плакали! О моём успехе написали все газеты. А в остальное время скука!.. Но что иногда случается со мною? Какой-то неосторожный удар смычка, и я вдруг наполняюсь вихрем бурных слёз. Какая тоска! Какая любовь! Мария!..

ЗОНГ ЧЕТВЁРТЫЙ. ДРЕССИРОВЩИК

Не хотел бы я считаться
Виноватым без вины.
Просто мне порою снятся
Удивительные сны.
В позапрошлую субботу
Мне доверил чародей
Непонятную работу
Дрессировщика людей.

А людей с трудом приручают:
Доброты они не прощают,
Ни в любовь, ни в дружбу не верят,
Потому что люди – не звери.

Я на совесть потрудился,
Поработал за троих.
И мне кажется, добился
Результатов неплохих:
У старушек и студентов
Больше веры в доброту
На 14 процентов,
Чем в тринадцатом году.

Да, в наказе чародея
Был существенный изъян:
Я людей всегда сумею
Отличить от обезьян.
Я проснулся и увидел,
Что друзьями окружён.

Потому я не в обиде
На такой нелепый сон.

Человека не приручают.
Он на всё добром отвечает.
Люди только в искренность верят,
Потому что люди – не звери.

МАГНУС (*в своём доме встречает Вандергуда*). Как ваши дела, мистер Вандергуд? Газеты полны вами, вы имеете успех.

ВАНДЕРГУД. Я разочарован и ужасно скучаю.

МАГНУС. Как вы можете заниматься такими пустяками, которыми занимаетесь. Эти журналисты... А этот ваш полёт... Вы должны их гнать, это унижает... ваши три миллиарда. Это правда, что вы читали какую-то проповедь?

ВАНДЕРГУД. Эти верующие глотают кощунство, как мармелад.

МАГНУС. А разве вы ожидали чего-нибудь другого? Разве вы до сих пор не знали, что всякое богослужение – кощунство? Если какой-нибудь Пий зовёт себя заместителем Христа, то отчего бы и вам, американцу из Иллинойса, не быть... хотя бы его губернатором? Но когда же вы приступите к делу?

ВАНДЕРГУД (*с наигранной грустью*). Но я не знаю, что делать и, вероятно, не приступлю, пока вы, Магнус, не решитесь оказать мне помощь.

МАГНУС. Вы слишком доверчивы, мистер, это большой недостаток... при трёх миллиардах. Нет, я для вас не гожусь, у нас разные дороги.

ВАНДЕРГУД. Но дорогой Магнус!.. Хочу быть с вами откровенным. В моём прошлом... тоже есть тёмные страницы, которые я хотел бы искупить...

МАГНУС. (*перебивая*). Я плохой духовник, к тому же не прощаю кающихся. Не сердитесь на меня. Я несколько нездоров сегодня. В другой раз надеюсь быть более приятным собеседником. А сейчас прощайте. Я передам ваш привет Марии.

ВАНДЕРГУД (*один и к залу*). Если этот чернобородый молодец играет, то, надо признаться, я нашёл достойного партнёра! Дюжина негритянских ребят не могла слизать бы с моего лица той патоки, которую вызвало на нём одно только обещание Магнуса – передать мой привет Марии. Когда ты влюбляешься в женщину, мой земной товарищ, и тебя начинает трясти лихорадка любви, ты считаешь себя оригинальным? А я нет. Я вижу все легионы пар, начиная с Адама и Евы, я вижу их поцелуи и ласки, слышу их до проклятия однообразные слова, и мне становится ненавистным мой рот, смеющийся шептать чужие шёпоты, мои глаза, повторяющие чужие взоры. Не хочешь ли взять себе Марию, земной товарищ? Возьми её. Кто покупает? Кто даст мне больше за неземную красоту? Ну, не обижайте торговца: шире раскрывайте кошельки, щедрые господа!..

ЗОНГ ПЯТЫЙ. МЕНЯЮ

Живёт смешной чудак на улице одной.
Неважный он поэт и музыкант плохой,
Но людям он готов открыть большой секрет,

Поэтому чудак на улице чуть свет.
Стоит он на углу с табличкой на груди,
И каждый может к той табличке подойти,
И каждому прочесть её разрешено.
На ней не много слов, оно всего одно: Меняю»!

Ты что меняешь, человек,
Стоя здесь и в дождь, и в снег?

Я меняю ваши дачи, ваши лёгкие удачи,
Ваши чековые книжки, ваши мелкие делишки,
Я хочу, чтоб вы забыли про свои автомобили,
И взамен вам дать готов настоящую любовь,
Неразменную любовь.
Я меняю вашу веру в непременную карьеру,
Ваши хлопоты пустые и пирушки холостые,
Я хочу, чтоб вы, как в сказке, мне свои отдали маски,
И взамен вам дать готов настоящую любовь,
Неразменную любовь...

...Который год подряд, смеша пустых зевак,
С табличкой на груди стоит большой чудак.
И каждому прочесть её разрешено,
На ней не много слов, оно всего одно: «Меняю»!

(Зала в особняке Вандергуда)

ТОППИ *(входя)*. К вам прибыл кардинал, ближайший друг папы, и, говорят, его наиболее вероятный преемник.

ВАНДЕРГУД. Проси.

(входит кардинал, приземистый, похожий на обезьяну)

КАРДИНАЛ. Вот вы и в Риме, мистер Вандергуд.

ВАНДЕРГУД. Вот я и в Риме.

КАРДИНАЛ. А вы знаете, зачем я к вам приехал?

ВАНДЕРГУД *(ласково)*. За деньгами, ваше преосвященство?

КАРДИНАЛ *(визгливо смеётся, хлопая себя по коленям)*. Вы хотите скорее к делу? Я понимаю ваше нетерпение – денежные дела любят поспешность, не так ли? Но ваше несчастье в том, что вы слишком любите людей...

ВАНДЕРГУД *(поспешно)*. Возлюби ближнего...

КАРДИНАЛ. Ну и пусть б л и ж н и е любят друг друга, учите их, внушайте, но зачем это в а м? Как вы будете делать людей счастливыми, не зная их недостатков?

ВАНДЕРГУД. Но что же мне делать, ваше преосвященство?! Я теряюсь. С детства, и именно в церкви, мне твердили о необходимости любви, я поверил, и вот...

КАРДИНАЛ *(задумался)*. Детство, да... Но ведь теперь вы не дитя. Забудьте!

Надо знать людей, чтоб сделать их счастливыми, а з н а е т людей только Церковь. Она мать и воспитательница в течение многих тысяч лет, её опыт единственный и непогрешимый. Правда, я не скажу, что все методы, которые

применяла Церковь, были одинаково удачны, но каждая наша ошибка вела к упорядочению наших приёмов... Мы совершенствуемся, мистер Вандергуд! ВАНДЕРГУД. Но, как мне кажется, быстрый рост цивилизации и рационализма в самом близком будущем грозит гибелью усовершенствованной церкви. КАРДИНАЛ (*пронзительно хихикает, машет руками*). Рационализм! Да у вас несомненный талант юмориста, мистер Вандергуд! А вы припоминете, от какого слова это происходит, и что значит радио? Это значит разум, а говорить на этой земле о разуме неуместно. Рационализм – это ум глупцов. Умный идёт дальше. Вы боитесь смерти? Напрасно стесняетесь: ей следует бояться. А пока есть смерть...

ЗОНГ ШЕСТОЙ. МОНОЛОГ ЖОКЕЯ

Я – знаменитый жокей, моя работа о,кей! –
И люди мне цветы несут обычно скопом.
Я к этой славе привык, и под ликующий крик
Легко по жизни, как дитя, скачу галопом.
 Но каждый день меня к развязке приближает.
 Пусть горизонт пока безоблачен, так что ж?
 Судьба на много лет вперёд за нас решает,
 И точно знает час, когда ты упадёшь.

Я на вершине горы. Не нужно правил игры –
Для достижения цели нет приличных правил.
И скажут все обо мне, покуда я на коне,
Что я своим лихим конём отлично правил.

Хоть роль жокея – не роль, в своём я деле король,
И никогда не отличался раболепством.
Я продолжаю борьбу, но не обскачешь судьбу,
Конём ты правишь, или правишь королевством.
 И каждый день меня к развязке приближает.
 Пусть горизонт пока безоблачен, так что ж?
Судьба на много лет вперёд за нас решает,
И точно знает час, когда ты упадёшь.

КАРДИНАЛ. Пока есть смерть, мистер Вандергуд, Церковь незыблема!
Подкапывайтесь, валите, взрывайте – первыми под развалинами погибнете вы, и кто тогда даст вам сладкую веру в бессмертие, в вечную жизнь? Поверьте, мистер Вандергуд, мир вовсе не хочет вашего рационализма.

ВАНДЕРГУД. А чего он хочет, ваше преосвященство?

КАРДИНАЛ. Чего он хочет? Мир хочет быть обманут! (*хихикает, хлопая себя по коленям*).

ВАНДЕРГУД (*подыгрывая ему*). И именно вы и хотите обмануть его?

КАРДИНАЛ (*серьёзно, печально*). Святой престол нуждается в деньгах. Вы не социалист?.. Ах, не стесняйтесь, мы все теперь социалисты, мы теперь на стороне голодных. Это вздор и клевета, что Святой Престол всегда за реакцию.

Я имел честь присутствовать на балконе Ватикана, когда Его Святейшество благославил аэроплан, а следующий папа, я убеждён, с охотой благословит баррикады. Времена Галлилеев прошли, и мы все теперь хорошо знаем, что Земля вращается.

ВАНДЕРГУД (*вставая*). Позвольте мне подумать о вашем предложении.

КАРДИНАЛ. (*вскакивая*). О, я не тороплю вас, добрейший Вандергуд. Я даже уверен, что вначале вы откажете мне, но когда вы маленьким опытом убедитесь, что нужно для с ч а с т ь я человека... ведь я сам его люблю, правда, не так страстно, но... (*удаляется*).

ТОППИ (*входя*). А сколько он просит?

ВАНДЕРГУД. Всё.

ТОППИ (*решительно*). Всего не давайте. Он обещал сделать меня пономарём, но всё-таки много не давайте, деньги надо беречь.

ВАНДЕРГУД. Ты меня удивляешь, Топпи. Такому старому чёрту неприлично скряжничать. Мне нравится кардинал, и я позволю ему слегка позолотиться около трёх миллиардов. Но я устал и иду спать. (*уходят*).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Гостиная в доме Магнуса. Мария в кресле у окна. Стук в дверь – входит Вандергуд. Мария и Вандергуд смотрят друг на друга. Музыкальная тема третьего зонга- «Я-Любовь»).

ВАНДЕРГУД (*в замешательстве*). А синьор Магнус дома?

МАРИЯ. Его нет, но вы входите, входите.

ВАНДЕРГУД. Я так рад..., то есть..., так огорчён, то есть... так рад...

МАРИЯ. Посидите со мной. Может быть, хотите вина?

ВАНДЕРГУД. Нет-нет... С удовольствием (*опускается в кресло рядом с Марией, смотрит в её спокойные глаза*). Как прост и ясен ваш взор! Прост и ясен, как небо. Простите, что я становлюсь поэтом. (*Тема «Я-Любовь»*).

Мария (*смотрит в окно*). Это горы синеют?

ВАНДЕРГУД. Да, это синеют Альбанские горы.

МАРИЯ. А это домики на их склонах?

ВАНДЕРГУД (*с энтузиазмом*). Да, это домики. От вас на меня исходит великое спокойствие.

МАРИЯ. А вы ездили вон по той дороге?

ВАНДЕРГУД. Да, неоднократно, синьорина.

МАРИЯ. Я часто смотрю на эту дорогу и думаю, что по ней приятно мчаться в автомобиле. У вас быстрый автомобиль, синьор?

ВАНДЕРГУД. О, да, синьорина, очень быстрый! Но для тех, кто сам есть пространство и бесконечность, всякое движение излишне.

МАГНУС (*входя и весело*). Очень рад вас видеть, синьор Вандергуд! Мария, ты угощала синьора Вандергуда? Нет? Вот и хорошо. Будем завтракать.

(*Мария выходит*).

ВАНДЕРГУД. Меня посетил кардинал икс.

МАГНУС. Кардинал? Он был у вас?

ВАНДЕРГУД. Да, просил денег. Мне он кажется мошенником, но не из крупных.

МАГНУС. Напрасно смеётесь, мистер Вандергуд. Я давно знаю этого кардинала и... слежу за ним.. Это злой, жестокий и опасный деспот. Он коварен, беспощаден и мстителен, как Сатана! (Вандергуд вздрагивает). Его заигрывания с социалистами, его шутки над Галлилеем – ложь. Он с наслаждением сжёт бы кости Галлилея: вращение Земли он до сих пор переживает как личное оскорбление. Для устранения препятствий на своём пути он не остановится перед ядом, перед убийством из-за угла, которое будет похоже на несчастный случай. Вы улыбаетесь? Напрасно! Будьте настороже: вы попали в поле его зрения, и теперь уже десятки глаз следят за вами..., а, может быть, и за мной. Берегитесь, мой друг!

ВАНДЕРГУД(*горячо жмёт руку Магнусу*). Благодарю вас! Но когда же вы согласитесь помочь мне?

МАГНУС. Но вам же известно, что я не люблю людей.

ВАНДЕРГУД. Кардинал говорит, что вовсе не надо любить людей, чтобы сделать их счастливыми...

МАГНУС. А кто вам сказал, что я , что я хочу делать людей счастливыми? Это вы хотите, а не я. Отдайте ваши миллиарды кардиналу, его рецепт счастья ничуть не хуже других патентованных средств. Я сам был фантазёром и кое-что изобретал в молодости... Так, немного химии, и если бы я т о г д а встретился с вашими миллиардами... Я шучу, мистер Вандергуд, но вот мой серьёзный совет: растите и множьте ваших свиней, делайте из трёх миллиардов четыре. Пока мир будет любить хорошую ветчину, он не оставит вас своей любовью!

ВАНДЕРГУД. А те, кто не имеет средств кушать ветчину?

МАГНУС. А какое вам до них дело? Это у них бурчит в животе, не у вас.

Поздравляю вас с приобретением превосходного жилища. Я знаю эту виллу, прелестный осколок старого Рима.

(Мария вкатывает тележку с завтраком, накрывает стол. Опять звучит тема любви. Молчаливо едят).

ВАНДЕРГУД. Всё-таки сходство с Мадонной невероятное!

МАГНУС (*смеясь*). Это р о к о в о е сходство. Вы не боитесь? Помните, как я в одну тяжёлую минуту говорил вам о крови? У ног моей Марии уже есть кровь... одного благородного юноши, память которого мы чтим с Марией. Я отец Марии, но сам едва смею коснуться устами её лба – какие же непреодолимые преграды воздвигает сама любовь, когда осмелится поднять глаза на Марию?

(*Вандергуд смело смотрит ей в глаза, она – в его, спокойно, целомудренно. Опять звучит тема любви. Мария начинает играть эту тему при притушенном свете*).

ВАНДЕРГУД (*к залу*). Ты знаешь, что такое театр кукол? Когда одна кукла разбивается, её заменяют другою, но театр продолжается, музыка не умолкает, зрители рукоплещут. Разве зритель заботится о том, куда бросают разбитые черепки? И я так люблю игру, что сам пожелал превратиться в актёра... Ах, я ещё не знал тогда, что это вовсе не и г р а, и что мусорный ящик так страшен, когда сам становишься куклой, и что из разбитых черепков течёт кровь.

ЗОНГ СЕДЬМОЙ. МОНОЛОГ ЛЕГИОНЕРА

Пришёл приказ – и наплевать
На совесть и на честь:
На то приказ, чтоб исполнять
И почитать за честь.
И я иду в строю ребят,
Свищу себе под нос.
Я столько раз играл в себя,
Не став собой всерьёз.

Играем в смерть, играем в жизнь
Среди болот и троп.
Попробуй только откажись, -
Получишь пулю в лоб
И значит, не пришла пора
Избавиться от грёз
И разобраться, где игра,
А где уже – серьёз.

Где тот рубеж, где тот рубеж,
Та бритва, или нож,
Что делят кротость и мятеж,
Доверие и ложь,
Кому поставлю я в вину
Последний свой вопрос?
Я с детских лет играл в войну,
А был убит всерьёз.

(Вандергуд и Магнус. За окном темно).

МАГНУС. Оставайтесь ночевать, мистер Вандергуд. Куда вам ехать?

(Слышатся порывы ветра, а затем громкий стук в ворота). Послушайте, как
беснуется сумасшедший Март!

ВАНДЕРГУД. Стучат. Это, наверно, мой шофёр приехал за мной.

МАГНУС. С той стороны нет дороги. Там только поле. Это сумасшедший Март
просится сюда. *(Раздаются новые удары и приглушённые голоса).*

ВАНДЕРГУД. Это заблудившиеся... Надо открыть!

МАГНУС *(сердито)*. А вот мы посмотрим.

ВАНДЕРГУД. Я с вами, Магнус.

МАГНУС. Сидите. Мне достаточно этого товарища *(достаёт револьвер,
выходит. Слышны громкие голоса, и всё стихает. Магнус возвращается)*.

ВАНДЕРГУД. Кто это?

МАГНУС. Сумасшедший Март, кто же ещё?

ВАНДЕРГУД *(иронично)*. Но мне кажется, вы говорили с ним?

МАГНУС *(с усмешкой)* Да, я сказал ему, что неприлично таскать за собой такую
подозрительную толпу. Он извинился и больше не придёт. В такую ночь только
и остаётся, что пить вино. Мне и Март при разговоре показался пьяным...

Гуляка! Ваш стакан, Вандергуд! *(наливает)*.

ВАНДЕРГУД (*залпом осушает стакан. Магнус подливает*). А кардинал действительно приставил ко мне шпионов и сумел чем-то подействовать на неподкупного Топпи. Нет, он по-прежнему преданный друг, но стал мрачным, каждый день ходит на исповедь и горячо убеждает меня принять католичество. Я мог бы вам рассказать о множестве неудачных попыток развязать мой кошелёк. Боюсь, что мне придётся сделать для себя подземный ход: они стерегут меня и по ночам. Думаю, что в одну прекрасную ночь они просто поделят меня на порции и съедят. (*Пьёт*).

МАГНУС. Последние дни о вас очень мало пишут газеты. Что случилось?

ВАНДЕРГУД. Я купил журналистов. Сперва я прогнал их, но они стали брать интервью у моих лошадей. Теперь я плачу им за каждую строчку молчания. (*Пьёт*).

МАГНУС. Не пейте больше вина, Вандергуд.

ВАНДЕРГУД. О! Хорошо, не буду.

МАГНУС. В вас произошла большая перемена. Прежде вы были живее. Теперь вы почти не шутите. Вы стали очень мрачным субъектом. Даже похудели, и лоб у вас жёлтый. Это правда, что вы каждую ночь напиваетесь с вашими... друзьями?

ВАНДЕРГУД. Кажется.

МАГНУС. Играете в карты, бросаете золото?

ВАНДЕРГУД. Боюсь, что правда. А откуда вам это известно?

МАГНУС. Вчера у меня был мистер Топпи. Он добивался свидания с...Марией, но я принял его сам. При всём моём уважении к вам, мистер Вандергуд, я должен отметить, что секретарь ваш на редкость глуп.

ВАНДЕРГУД. Вы совершенно правы. Вам следовало выгнать его. Мария... Ветер, кажется, сильнееет.

МАГНУС. Да, сильнееет...Вы вспоминаете, что я своевременно предупредил вас?

ВАНДЕРГУД. В чём вы меня предупредили?

МАГНУС (*с растановкой*). Я вас предупредил относительно М а р и и. Но вы забыли об этом. Вы были настойчивы, смелы, и я уступил. Но нам вовсе не хочется видеть перед собой разлагающегося джентльмена. Да, сударь, я искренно рад, что вы бросили, наконец, эту дешёвую игру в любовь и человечество..., у вас так много других забав. Но меня совсем не радует ваше щедрое намерение подарить нам с Марией о с т а н к и джентльмена.

ВАНДЕРГУД. Чёрт возьми! Вы правы, Магнус. Благодарю вас, старина. Да, вы честно предупредили меня относительно Марии, но любовь сильнее нас.

Теперь я банкрот и в вашем распоряжении. Ничего не имею против, если вы распорядитесь вынести останки джентльмена.

МАГНУС (*дружески хлопает Вандергуда по плечу*). Вы очень страдаете? (*Тот судорожно кивает и моргает глазами*). И что вы намерены делать дальше?

ВАНДЕРГУД. Завтра мой Топпи уложит чемоданы, и я уеду в Америку продолжать дело... с консервами.

МАГНУС. А кардинал?

ВАНДЕРГУД. Какой кардинал? Ах, да! Кардинал... Как же, помню. Но мне это надоело.

МАГНУС. Что именно вам надоело, мистер Вандергуд?

ВАНДЕРГУД. Всё. Мои секретари, нюхательный табак. Не смотрите на меня так строго. Магнус, но, вероятно, из моих миллиардов можно было приготовить зелье покрепче. Отчего вы не захотели помочь мне? Впрочем, вы ненавидите людей, я забыл.

МАГНУС. Но вы их любите?

ВАНДЕРГУД. Как вам сказать, скорее всего я к ним равнодушен. Не смотрите на меня так. Да, я к ним равнодушен. Их так много было, есть и ещё будет, что положительно не стоит...

МАГНУС. Значит, вы лгали?

ВАНДЕРГУД. Смотрите не на меня, а на мои упакованные чемоданы. Нет, не совсем лгали. Мне, знаете ли, хотелось создать нечто интересное для игры, я и пустил в обращение это... чувство.

МАГНУС. Значит, вы только и г р а л и?

ВАНДЕРГУД (*кивает и моргает*). Но я уже сказал, что из моей затеи ничего не вышло. На несколько минут мне понравился кардинал, эта бритая обезьяна, но её способ околпачивания людей слишком стар. А я люблю риск.

МАГНУС. Околпачивать людей?

ВАНДЕРГУД. Ведь мы же их презираем, Магнус? Так не будем отказывать себе в удовольствии говорить прямо, если игра не удалась. Вы, кажется, улыбнулись? Я очень рад. Но я устал, складываю чемоданы и... отбываю.

МАГНУС (*молчит, долго ходит по комнате, заложив руки за спину, и внезапно и резко*). Но Мария любит вас. Любит...

ЗОНГ ВОСЬМОЙ. МОНОЛОГ АКТЁРА

Какая малость быть актёром,
Вторгаться в жизнь из-за кулис,
Считать, что театральным вздором
Вы в самом деле увлеклись.

Но я театру знаю цену,
Я повидал за много дней,
Как жизнь вторгается на сцену
И роли требует своей.

Мы тоже заняты в спектакле,
Но непременно по душе
Чужие драмы нам, не так ли?
И вот мы – зрители уже.

Весь мир театр, мы в нём актеры –
Поэт промолвил неспроста.
Но существуют билетёры
И в зале зрительном места.

Театр – не тихая обитель:
И кровь кипит, и в сердце боль.
Ты хорошо играешь, зритель,
Свою бесхитростную роль,

Ты так чужой внимаешь драме,
Как будто впрямь не признаёшь,
Что все мы в этой драме сами
И правду сеяли, и ложь.

(К О Н Е Ц П Е Р В О Г О Д Е Й С Т В И Я)

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

(Та же декорация, что и в конце первого действия)

МАГНУС (*ходит возбуждённо по комнате*). Да, это правда! Мария любит вас. Этого несчастья я не ожидал. Убить вас я опоздал, мистер Вандергуд, а теперь я не знаю, что делать с вами. Как вы сами думаете?

ВАНДЕРГУД (*встаёт, ходит по комнате. К залу*) Неужели я такой искусный донжуан, которому достаточно нескольких почти безмолвных встреч, чтобы обольстить невинную и доверчивую девушку? Или т в о ё бессмертие, Мадонна, откликнулось на бессмертие Сатаны. Ты, обожествлённая, не узнала ли друга в том, кто вочеловечился? Ты, восходящая ввысь, не прониклась ли жалостью к нисходящему?..

МАГНУС. Я не знаю, за что полюбила вас Мария. Это тайна её души, недоступная моему пониманию. Минуту назад в горячности я сказал что-то об убийстве..., нет, мистер Вандергуд, вы можете быть спокойны: избранный Марией неприкосновенен для меня, его защищает больше, чем закон, - его покровом служит её чистая любовь. Конечно, я немедленно попрошу вас оставить нас и – я верю в вашу честность – поставить между нами преградою океан...

ВАНДЕРГУД (*протестующе*). Но...

МАГНУС (*гневно*). Ни слова дальше... Я вас могу убить, если вы произнесёте слово «брак». (*Спокойнее*). Вижу, что мне ещё не раз придётся извиняться за мою вспыльчивость. Что же касается брака, он совершенно немислим, запомните это. Не вам суждено стать спутником Марии. Я человек борьбы, я воин на поле жизни! И моя Мария будет наградой только герою, если... когда-нибудь мне встретится герой.

ВАНДЕРГУД. Вы можете быть уверены, что я ни слова не позволю себе сказать относительно синьорины Марии. Конечно, я не герой. Но я хочу вас спросить: как мне сочетать ваши теперешние слова о себе с вашим п р е з р е н и е м к людям? Помнится, вы что-то очень серьёзно говорили об эшафоте и тюрьмах.

МАГНУС (*хохочет*). А вы помните, как говорили о вашей л ю б в и к людям? Ах, милый Вандергуд, я был бы плохим политиком, если бы в моё образование не входило и искусство лжи. Мы оба играли, вот и всё!

ВАНДЕРГУД. (*мрачно*). Вы играли лучше.

МАГНУС. А вы играли очень скверно, дорогой, не обижайтесь. Но что мне было делать, когда вдруг ко мне является джентльмен, нагруженный золотом, как...

ВАНДЕРГУД. Как осёл. Продолжайте.

МАГНУС.... И на всех языках начинает объясняться в своей любви к человечеству. Вы показались мне одним из тех глупых янки, которые сами верят в свои трескучие и пошлые тирады. Только одна ваша фраза – что-то о войне и революции, которые можно создать на ваши миллиарды, показалась мне интересной, но оказалось, что это лишь пустая обмолвка. Нет, мистер Вандергуд, вы не созданы для серьёзного театра!

ВАНДЕРГУД. Одна поправка, Магнус: я искренне хотел, чтобы вы приняли участие...

МАГНУС. В чём? В вашей игре? Да, в вашей игре недоставало т в о р ц а, и вы искренно хотели взвалить на меня нищету вашего духа.

ВАНДЕРГУД. Но ваша ненависть к людям...

МАГНУС (*гневно, почти шёпотом*). Ненависть? Молчите, сударь. Ею я отвечал на вашу актёрскую л ю б о в ь, на ваше мёртвое равнодушие. Когда я проникал в непонятную пустоту ваших зрачков, я понимал, что в вашем прошлом нет тёмных страниц, там есть б е л ы е страницы, и я не могу их прочесть! Неужели их прочла моя Мария?

ВАНДЕРГУД. Не забудьте, Магнус, что сегодня я сам упрекал вас в равнодушии.

МАГНУС. Здесь другое. В моём равнодушии нет оскорбления, а в вашем... Я почувствовал это сразу, когда вы явились с вашими миллиардами. Мне сразу захотелось кричать о ненависти, требовать эшафота. Впрочем, я напрасно, кажется, волнуюсь... Вы ведь ненадолго изволили заглянуть к нам, не так ли?

ВАНДЕРГУД. Да, на ближайших днях, быть может, завтра я отправлюсь на тот свет..., нет, это недостаточно ясно: на ближайших днях я стреляюсь, убиваю себя из револьвера. Задумано это давно, ещё в самом начале моего... появления у вас, и не в этой ли г о т о в н о с т и к уходу вы усмотрели моё «нечеловеческое» равнодушие?

МАГНУС (*помолчав*). А Мария?

ВАНДЕРГУД. Я слишком высоко ставлю синьорину Марию, чтобы не считать её любви ко мне роковой ошибкой.

МАГНУС. Но вы хотели этой любви?

ВАНДЕРГУД. У меня мелькнули кое-какие мечты, но чем дальше я вникал в это р о к о в о е сходство...

МАГНУС. Это только сходство. Душа Марии возвышенна и прекрасна, но она живой человек из мяса и костей.

ВАНДЕРГУД. Но чем я могу заплатить за её любовь?

МАГНУС (*сурово*). Только жизнью.

ВАНДЕРГУД. Вот видите – жизнью! Как же я могу хотеть такой любви?

МАГНУС. Но вы не рассчитали: она уже любит вас.

ВАНДЕРГУД. О! Тогда моя смерть не может быть препятствием..., нет, не так, тогда мой уход..., нет, тоже не то... Одним словом, синьор Магнус, т е п е р ь вы не согласились бы взять мои миллиарды в ваше распоряжение?

МАГНУС (*недоверчиво*). Теперь?!

ВАНДЕРГУД. Да. Теперь, когда мы уже не играем: я в любовь, а вы в ненависть. Теперь, когда я совсем ухожу и уношу с собой «останки» джентльмена? Точнее – не хотите ли вы быть моим наследником?

МАГНУС (*незаметно делает знак рукой. Вбегает Мария, падает перед Вандергудом на колени и смотрит ему в глаза*).

МАРИЯ. Обещайте мне, что вы не убьёте себя.

ВАНДЕРГУД (*целует ей руку долгим поцелуем*). Сударыня! Дайте мне для размышления неделю и..., пожалуйста, не смотрите на меня больше, иначе...

ЗОНГ ДЕВЯТЫЙ. МОНОЛОГ МАНЕКЕНА

Разделяет нас витрина.

Я всего для вас – картина,

Кукла неживая. Сердца нет, я знаю,

У манекена.
Но могу зато годами
День и ночь следить за вами.
И нередко, всё же, очень вы похожи
На манекенов.
Роли вам даны и маски,
На глазах у вас повязки,
Вы всегда во власти
Призрачного счастья.
В жизни вам дано судьбою
Никогда не быть собою:
В жизни вы порою трусы и герои,
Вы – манекены.
Эй, остановись, прохожий,
Внешне мы с тобой похожи.
Хочешь попытаться местом поменяться?
Мы – манекены.
Пусть из вас сегодня каждый
Спросит сам себя однажды:
Чем я отличаюсь, чем я отличаюсь
От манекена?

КАРТИНА ВТОРАЯ (Комната в особняке Вандергуда)

ВАНДЕРГУД (*к залу*). Вот уже три дня, как Магнус и Мария живут в моём палаццо. Я перевожу всё своё состояние в золото, и Магнус с Топпи и всеми секретарями целый день заняты этой работой. Сложное дело ликвидации так быстро подвигается в энергичных руках Магнуса, как будто всю жизнь он занимался только этим. Марии... кажется, что я её избегаю. В моё окно я вижу сад, где она гуляет, и пока этого мне достаточно. Ведь её душа здесь, и светлым дыханием Марии наполнена каждая частица воздуха. Да, я боюсь её. Взор её очей так повелителен и ясен, свет её любви так могуч и прекрасен, что всё дрожит во мне. О, Мария, Мария, как страшно ты искушаешь меня!

МАГНУС (*входя*). Чем вы так озабочены, Вандергуд?

ВАНДЕРГУД. В последнее время я много думаю о н а ш е й человеческой жизни. Она насчастлива – вы согласны с этим? Хорошо волку быть волком, зайцу зайцем – их дух тёмен и скуден, но человек вместил в себя Бога и Сатану, и как страшно томятся Бог и Сатана в этом тесном и смрадном помещении! Богу приходится быть волком, перегрызающим горло и пьющим кровь! Сатане приходится быть зайцем, прячущим уши за горбатой спиной. Это почти невыносимо.

МАГНУС. Когда вы и с п ы т а е т е хоть часть того, что теперь так пугает вас, вы будете говорить иначе. Впрочем, я рад, что равнодушие уже оставило вас: вы стали значительно нервнее и подвижнее. Но откуда в ваших глазах этот чрезмерный страх?

ВАНДЕРГУД (*деланно смеясь*). Наверно, это смотрит из моих глаз р а б, ожидающий плети... Потерпите, Магнус, я ещё не совсем привык. Скажите, мне придётся совершить... убийство?

МАГНУС (*спокойно*). Очень возможно.

ВАНДЕРГУД. А вы не скажите мне, как это происходит?

МАГНУС (*иронически*). Нет, этого я вам не скажу. Но если хотите, я расскажу вам другое... Это было давно. Один политический ссыльный бежал с каторги, скитался по лесам и нашёл приют у каких-то сектантов-изуверов. И как раз в его присутствии должно было совершиться чудовищное преступление: эти сумасшедшие мистики собирались на самодельном алтаре, при пении гимнов, убить ребёнка. И в качестве невинного агнца избрали семилетнего мальчика. Тут же присутствовала его молодая мать. Все разумные доводы, все убеждения ссыльного, что они готовы совершить величайшее кощунство, и что за это их ждёт страшнейшее мучение ада, оказались бессильны перед тупым и страстным упорством фанатиков. Более того, он только привёл их в бешенство: они пригрозили убить и его... А как бы вы поступили в этом случае, Вандергуд?

ВАНДЕРГУД. Конечно, я боролся бы, пока не был бы убит!

МАГНУС. Да? Он поступил иначе. Он предложил свои услуги и с в о е й рукой перерезал мальчику горло... Вас это удивляет? Но он сказал: лучше на себя возьму этот страшный грех и кару за него, чем отдам аду этих невинных глупцов. Мне кажется, что он был несколько сумасшедшим. Он и умер впоследствии в сумасшедшем доме.

ВАНДЕРГУД. А как бы вы поступили, Магнус?

МАГНУС (*холодно*). Право, не знаю. Это зависело бы от минуты. Очень возможно, что просто ушёл бы от этих зверей, но возможно, что и...

Человеческое безумие весьма заразительно.

ВАНДЕРГУД. Вы называете это только безумием?

МАГНУС. А вы можете сказать, где граница человеческого?

ЗОНГ ДЕСЯТЫЙ. НАИВНЫЙ ВЕК.

Пытаюсь веку заглянуть в нутро.
Как странно всё устроено на свете:
Нет ощущения времени в метро,
Ищу приметы времени в газете.

Наивный век, зарвавшийся фантаст,
Да ты, я вижу, просто не удела:
Всё время ищешь выход из предела,
А что тебе находка эта даст?

Представь, что нет предела у любви,
У подлости, у страха, у наживы...
Ведь люди и считаются людьми,
Пока ещё хоть чуточку нелживы.

А ты о них не думаешь совсем.
Ты думаешь о новых танкодромах,
О лазарах, о фауст-люкс-патронах.
Духовный мир мертвеет между тем.

А для тебя, конечно, не секрет,
Что только он живую совесть будит.
Пословица гласит: во цвете лет
Ума не видно, значит и не будет...

Наивный век, пришла твоя пора
Сказать векам решающее слово.
Как хочется поверить, что готова
Твоя душа к свершению добра!

(Вандергуд и Топпи)

ВАНДЕРГУД. Я решил отдать все деньги отцу Марии.

ТОППИ. А что он будет делать с вашими деньгами?

ВАНДЕРГУД. Не знаю, Топпи.

ТОППИ. Вы шутите?

ВАНДЕРГУД. Видишь ли, Топпи, пока Магнус занят тем, что всё моё состояние превращает в золото и распахивает его по банкам на своё имя. Это предварительные необходимые шаги. А что будет дальше, я пока ещё не знаю.

ТОППИ. О, вы опять шутите?

ВАНДЕРГУД. Вспомни, старина, что я и сам не знал, что мне делать с моими деньгами. Магнус же з н а е т. Мне ещё неизвестен его план, но мне важно то, что сказал мне Магнус: я заставлю вас работать! О, Магнус великий человек, ты это увидишь, Топпи!

ТОППИ (хмуро). Вы хозяин вашим деньгам.

ВАНДЕРГУД. Ты всё забыл и перепутал, Топпи! Ты помнишь об игре? О том, что я хотел и г р а т ь? Или ты не доверяешь Магнусу?

ТОППИ. О, синьор Магнус достойный человек. Жаль, что неверующий. Мне это странно, как отец синьорины Марии может быть неверующим. А вы что-нибудь дадите его преосвященству?

ВАНДЕРГУД. Это теперь зависит от Магнуса.

ТОППИ. Так-так. А вы знаете, что его преосвященство уже был у синьора Магнуса, когда вас не было дома?

ВАНДЕРГУД. Нет, не знаю. Но ты не бойся: что-нибудь мы дадим твоему кардиналу.

(Входит Магнус, Топпи уходит)

МАГНУС. Вы хотите спать, Вандергуд? Кстати, вам надо подписать одну бумагу. Хотите вина?

ВАНДЕРГУД. С удовольствием. *(Магнус разливает)*.

МАГНУС. Дело идёт прекрасно. Через две недели всё будет кончено. Ваше пухлое и разбросанное состояние, в котором можно заблудиться, как в лесу,

превратится в отчётливый и тяжёлый золотой комок... , вернее, в небольшую гору. Вы точно знаете цифру ваших денег, Вандергуд?

ВАНДЕРГУД. Оставьте, Магнус. Я не хочу знать. И это ваши деньги.

МАГНУС. Хм... Вы знаете, что кардинал был здесь?

ВАНДЕРГУД. Старая обезьяна? Знаю. Что ему понадобилось? Вы его выгнали?

МАГНУС. К сожалению, нет. Не гримасничайте. Вы знаете, что выгнать его нельзя.

ВАНДЕРГУД. А чего надо этому королю, который хочет посетить нас?

МАГНУС. Экс-король? Вероятно, того же. Вы, конечно, сами должны его принять.

ВАНДЕРГУД. Но в вашем присутствии? Не иначе. Поймите, дорогой друг, что я только ваш ученик. Вы находите, что нельзя выгнать старой обезьяны?

Прекрасно, путь остётся. Вы говорите, что надо принять экс-короля? Прекрасно, примем. Но линчуйте меня на первом фонаре, если я знаю, зачем это надо.

МАГНУС. Вы опять несерьёзны, Вандергуд.

ВАНДЕРГУД. Нет, я очень серьёзен, Магнус. Но, клянусь, решительно не знаю, что мы делаем и что будем делать. Я вам верю, и залогом служит мне Мария и её любовь. Почему вы не хотите верить в мою скромность, как я верю в ваш гений?

МАГНУС (*смеясь*). А если я ваше золото употреблю на зло?

ВАНДЕРГУД. Зачем? Разве это так интересно?

МАГНУС. Хм... Вы думаете, что это *н е и н т е р е с н о*?

ВАНДЕРГУД. Я ещё не знаю, что это значит – б о л ь ш о е з л о. Может быть, это значит – б о л ь ш о е д о б р о? Кто приносит больше пользы человеку: тот, кто ненавидит его, или тот, кто любит?

МАГНУС. Значит, вас ничто не утрашит?

ВАНДЕРГУД. Думаю, что ничто.

МАГНУС. А убийство... , много убийств?

ВАНДЕРГУД. Вы помните, вашим рассказом о мальчишке вы наметили границу человеческого. Чтобы не произошло ошибки, я ещё на несколько километров отодвинул её вперёд, этого хватит?

МАГНУС (*ходит по комнате*). А вы занятная голова, Вандергуд. Жаль, что я не знал этого раньше.

ВАНДЕРГУД. Почему жаль?

МАГНУС. Так, пустое... Мне интересно, как вы будете говорить с королём.

Наверное, он предложит вам очень большое зло. А большое зло – большое добро, не так ли? (*смеётся*). Не обижайтесь, Вандергуд, мне очень понравилось, что вы говорили, и хорошо, что вы ни о чём меня не спрашиваете. Хотя я кое-что могу сказать вам... в общих чертах, конечно... Как вы относитесь к взрывчатым веществам?

ВАНДЕРГУД. С большим уважением.

МАГНУС. Да?!... Было время, когда я готов был молиться динамиту... Этот шрамик на лбу – один из следов моего юношеского увлечения. С тех пор я сделал большие успехи в химии и понял, что недостаток всякого взрывчатого вещества, начиная с пороха, в том, что взрыв действует на ограниченном

пространстве и поражает только ближайшие предметы: для войны этого, пожалуй, достаточно, но этого мало для более... широких задач.

ВАНДЕРГУД. А вы хотели бы, чтобы ваш «динамит» имел сознание, волю, глаза?

МАГНУС. Вы правы, я этого хотел. И мой новый, будем говорить, динамит всё это имеет: волю, сознание и глаза.

ВАНДЕРГУД. Я ещё не знаю цели, но это... страшно.

МАГНУС. Страшно? *(Бросает на стол брусок серо-жёлтого цвета)*

ВАНДЕРГУД. Что это?

МАГНУС. По виду мыло, или воск. По силе – это Дьявол! Но это капризный Дьявол. Его можно бить, рубить на части, жечь в печке, я могу бросить его на улицу, с ним будут играть дети, и он останется равнодушным. Но стоит кольнуть его током высокого напряжения, и ярость его взрыва будет чудовищна, безмерна! *(Небрежно закрывает брусок в ящик стола)*. Н а д о с д е л а т ь о п ы т. Я ещё не могу посвятить вас в деловую сторону, но предупреждаю: опыт должен быть в очень широких размерах. Вас это не страшит, Вандергуд?

ВАНДЕРГУД *(инстинктивно ёжась)*. Жаль, что я не знал этого раньше.

МАГНУС. Почему жаль?

ВАНДЕРГУД. Так, пустое... Предположите, что я – пришелец с другой планеты. Так как же мы поступим с этой планетой?

МАГНУС *(смеясь)*. Вы большой чудак, Вандергуд! С этой планетой? Мы устроим на ней небольшой праздник. Но довольно шуток, я их не люблю. Вы знаете, что вся Европа сейчас в очень тревожном состоянии?

ВАНДЕРГУД. Война?

МАГНУС. Возможно, что и война, её все тайно ожидают. И не я один хочу опыта в б о л ь ш и х р а з м е р а х – его готовит мир... Ах, Вандергуд, поистине не стоило бы жить, если бы не эти крайне любопытные моменты! Крайне любопытные!

ВАНДЕРГУД. Вы довольны?

МАГНУС. Как химик, я в восторге. Мои снаряды уже начинены. Вы представляете себе это зрелище, когда начнёт взрываться мой динамит с его сознанием, волей и глазами, находящими цель?

ВАНДЕРГУД. А кровь? Когда-то вы с большим волнением говорили о крови.

МАГНУС. Кровь? Какая кровь? Ах, да!.. Это глупости. Тогда я много наболтал вам пустяков. Впрочем, если вы испугались, то ещё не поздно.

ВАНДЕРГУД. Меня ничто не страшит. Я всюду иду за вами. Это просто протестует моя к р о в ь, понимаете, а не сознание и воля. Вероятно, я буду первым, кого вы обманете. Выражаясь языком химии – я уже начинён и прошу только об одном: поскорее взорвите меня!

МАГНУС *(серьёзно)*. Хорошо. Через две недели. Вы довольны?

ВАНДЕРГУД. Благодарю вас. Могу надеяться, что тогда и синьорина Мария станет моей женой?

МАГНУС *(усмехаясь)*. Мадонна?

ВАНДЕРГУД. Ваша улыбка не вполне совместна с моим уважением к вашей дочери.

МАГНУС. Не волнуйтесь. Моя улыбка относится не к Марии, а к вам. Вы славный малый, я начинаю любить вас, как сына. Через две недели вы получите всё. Вашу руку, товарищ! (*крепко жмёт руку Вандергуду*).

ЗОНГ ОДИННАДЦАТЫЙ. ФАНАТИКИ

Всё в этом мире сделали фанатики,
Бесчисленные винтики истории.
Они делили землю на квадратики
И в каждом что-то сеяли и строили.

Росло цивилизованное здание,
И песни возникали погребальные.
Фанатиков росло самосознание,
И планы становились их глобальнее.

Фанатики творили экзекуции,
Венчали свои головы коронами.
Фанатики вершили революции,
И головы летели вместе с тронами.

Вынашивали мудрые фанатики
Всё новые и новые решения,
Совсем не безобидные романтики,
А демоны лихие разрушения.
Давно посрамлены законы статики.
Какое уж тут к чёрту равновесие!
Такое напридумали фанатики,
Что всем на этом свете стало весело!

А кто-то произнёс, что люди – братики,
Что вечность им дана, а не мгновение.
И доказать торопятся фанатики,
Что люди – это недоразумение.

ТОППИ (*входя*). К вам его величество экс-король!
(*Вандергуд и Магнус встают и низко кланяются почти вбежавшему королю*).
КОРОЛЬ (*пренебрежительно подаёт руку обоим, плюхается в кресло*).
Садитесь же, господа... (*к Вандергуду*). Вы, наверно, знаете мою историю. Эти дураки выгнали меня. Как вы смотрите на это?
ВАНДЕРГУД (*низко кланяясь*). Я рад служить вашему величеству.
КОРОЛЬ. Ну да, это все говорят. Но дадите ли вы мне денег? Понимаете, эти глупцы думают, что все их несчастья от меня. Не правда ли глупо? А теперь им ещё хуже, и они пишут: бога ради возвращаетесь. Прочтите письма (*небрежно бросает на стол пачку писем. Вандергуд машинально пробегает глазами одно из них*)... Ну, как вы на это смотрите, любезный?

ВАНДЕРГУД. Осмелюсь сказать вашему величеству, что я представитель демократической республики и...

КОРОЛЬ (*перебивая*). Оставьте, Вандергуд! Республика, демократия! Глупости! Вы сами хорошо знаете, что король необходим. У вас в Америке также будет король. Как можно без короля? Король всё может А что может президент? Ничего! А зачем вам президент, который ничего не может?

ВАНДЕРГУД. Но народное представительство...

КОРОЛЬ. Фи! Извините, мистер... Вандергуд, но какой же народ будет слушаться какого-то народного представительства? Король может всё.

ВАНДЕРГУД. Но закон...

КОРОЛЬ. Ах, и этот чудак о законе. Зачем вам всем понадобился этот закон? Чтобы всем было одинаково плохо? Но дело не в этом. Мне надо вернуться. Вы прочли, что они пишут, бедняги?

ВАНДЕРГУД. Я счастлив видеть, что дорога вам открыта, государь.

КОРОЛЬ. Открыта? Вы думаете? Гхм! Нет, мне надо денег. Одни пишут, а другие не пишут, понимаете?

ВАНДЕРГУД. Может быть, они просто не умеют писать, государь?

КОРОЛЬ. Они-то? Ого! Вы посмотрели бы, что они писали против меня. Их просто надо расстрелять!

ВАНДЕРГУД. Всех?

КОРОЛЬ. Почему всех?! Некоторых довольно. Другие просто испугаются. Вам не говорил кардинал, что мне надо дать денег? Он обещал сказать. Я слышал, что вы очень любите людей, мистер Вандергуд. Если это так, то вы непременно дадите мне денег, я не сомневаюсь. Людям необходим король. Почему в Англии король, в Швеции король, и ещё сто королей, а у нас не нужен король?

ВАНДЕРГУД. Недоразумение...

КОРОЛЬ. Конечно, недоразумение. Как можно без короля? Они ведь говорят, что можно и без Бога. Нет, надо пострелять, пострелять!.. До свидания, до свидания, любезный Вандергуд. На днях к вам заедет за деньгами мой маркиз. Что ещё сказать? Ах, да: желаю, чтобы у вас в Америке был поскорее король. (*Смотрит на Магнуса*). И не бойтесь секретарей, да-да, своих секретарей. О ревуар!

ЗОНГ ДВЕНАДЦАТЫЙ. ЛЕВ И ОБЕЗЬЯНЫ

Когда у Льва, царя зверей, скопилось дел по горло,
Он взял себе в секретари ватагу обезьян.
Они за дело принялись проворно и покорно,
Стремясь повсюду отыскать пробел, или изьян.

Был царь зверей, как царь зверей: не глупый и не слабый,
Но с обезьянами сильней он стал во много раз –
Они по-львиному порой могли ударить лапой
И зарычать подобно Льву они могли подчас.

С тех пор у Льва пошли дела, дела пошли, как надо,

Хоть было в царстве у него хлопот невпроворот.
Неугомонных обезьян бесчисленное стадо
Его старалось оградить от бремени забот.

Роптали звери по углам, царя зверей ругали,
Склоняли имя там и тут с восхода до зари.
Но были правы ли они? Скорей всего, едва ли,
Поскольку Львы не так страшны, как их секретари.

ВАНДЕРГУД (*один перед залом*). Мария, Мария, как испытуешь ты меня! Я ещё ни разу не касался твоих уст, вчера я целовал только красное вино..., но откуда же на моих губах эти жгучие следы? Только вчера я с робостью касался края твоих одежд, а сегодня ты только женщина, и я хочу тебя! В зеркало я не узнаю свои глаза: на них лежит какая-то странная плёнка, я дышу тяжело и нервно, и весь мой день моя мысль похотливо блуждает около твоей обнажённой груди. Что ты делаешь, человеке, когда это случается с тобою? Идёшь и берёшь женщину? Подумай: сейчас ночь, и Мария так близко, я могу совсем неслышно дойти до её комнаты... А если Магнус закроет мне путь? Я убью его. Вздор... Синьор Магнус пригласил меня на дружескую беседу, и я заранее осмотрел, привёл в порядок и зарядил браунинг. Видишь ли, у Фомы Магнуса есть с о т р у д н и к и. Так он называет этих не известных мне господ. Их двое, и они живут здесь. Они мне не нравятся. Я понял, почему: у них нет лица. М н е у г р о ж а е т о п а с н о с т ь. Недавно я взглянул на белый сад и представил, как я мог бы идти с Марией по его песчаной дорожке. Как вдруг я увидел её с мужчиной. Они шли тихо, и мужчина обнимал её. Мой счётчик в груди бешено застучал, но тут я узнал мужчину – это был Магнус, только Магнус, милый отец, будь он проклят со своими отеческими объятиями!

МАГНУС (*входя и после долгой паузы*). Нам предстоит очень трудный разговор, Вандергуд. Вас это не волнует?

ВАНДЕРГУД. О, нет, нисколько.

МАГНУС. Я выпью вина, а вам не стоит (*выпивает залпом два стакана*). Да, вам не стоит пить. Мне нужно ваше с о з н а н и е ничем не затемнённое... Вы ничего не пили сегодня? Нет? Это хорошо. Надо, чтобы сознание было светло и трезво. Я часто думаю, нельзя ли в таких случаях применять анестезирующие средства. Например, когда очень богатому человеку сообщают о том, что он... разорился. Но нельзя же всю жизнь держать под наркозом сознание. В конце концов, я вовсе не такой жестокий человек, каким иногда кажусь даже самому себе, и чужая боль часто вызывает во мне очень неприятные ответные судороги. Это нехорошо. У оператора рука должна быть тверда.

ВАНДЕРГУД (*закуривая*). Ваш пример относительно очень богатого человека, который внезапно стал нищим, относится ко мне? Я разорён?

МАГНУС. (*медленно*). Если хотите, то да. У вас нет ничего. Ровно ничего. И этот дворец уже продан, завтра в него вступят новые владельцы.

ВАНДЕРГУД. О! Это интересно. А где же мои миллиарды?

МАГНУС. У меня. Они мои. Я очень богатый человек, Вандергуд!

ВАНДЕРГУД. И хотите протянуть мне руку помощи? Вы наглый мошенник, Магнус.

МАГНУС. Если хотите, то да. В этом роде.

ВАНДЕРГУД. И лжец!

МАГНУС. Пожалуй. А вы слишком идеалист.

ВАНДЕРГУД (*вставая*). Позвольте мне откланяться и прислать сюда полицейского комиссара.

МАГНУС (*смеётся*). Вздор, Вандергуд! Всё сделано по закону. Вы сами передали мне всё. Это никого не удивит... при вашей любви к людям. Конечно, вы можете объявить себя сумасшедшим. Тогда я, пожалуй, сяду в тюрьму. Но вы сядете в сумасшедший дом. Едва ли вы этого захотите, дружище. Полиция! Впрочем, ничего, говорите, это облегчает в первые минуты. Но я, в сущности, не совсем понимаю, что вас так возмущает? Вы столько раз предлагали мне эти деньги, даже навязывали, а теперь, когда они в моих руках, хотите звать полицию! Я сейчас могу просто вытолкать вас из этого дома!

ВАНДЕРГУД. Вы необыкновенно наглый мошенник, синьор Магнус!

МАГНУС. Опять! Как эти сентиментальные души ищут утешения в словах! Возьмите сигару, сядьте и слушайте... Уже давно мне нужны деньги, очень большие деньги. Я уже начал терять надежду, когда появились вы. Здесь я несколько не затрудняюсь в выражениях...

ВАНДЕРГУД. Говори прямо, не стесняйся.

МАГНУС. Можно на ты? Да, это удобней. С твоей любовью к людям, с твоей и г р о ю ты был очень странен, и я довольно долго колебался, кто ты: необыкновенный дурак, или такой же... мошенник, как и я. Не сердись?

ВАНДЕРГУД. О, несколько.

МАГНУС. Ты съешь мне деньги, а я думаю: ловушка! И некоторые меры с моей стороны...

ВАНДЕРГУД. Извини, что перебиваю. Значит, твои размышления над жизнью... всё это ложь? А убийство, помнишь: руки в крови?

МАГНУС. Убивать мне приходилось, это правда, и над жизнью я размышлял немало, поджидая т е б я, но остальное, конечно, ложь. Очень грубая, но ты был так мило доверчив.

ВАНДЕРГУД. А... Мария?

МАГНУС. Дойдём и до Марии. Как ты волнуешься, однако. Может, дать вина? Ну не надо, терпи. Я продолжаю. Когда у тебя началось с Марией..., конечно, при моём маленьком содействии, я окончательно поверил, что ты...

ВАНДЕРГУД. Необыкновенный осёл?

МАГНУС. О нет! Скажу тебе правдиво: ты вовсе не глуп. Мало ли умных людей обманывались мошенниками. Твоё несчастье в другом.

ВАНДЕРГУД (*усмехаясь*). Любовь к людям?

МАГНУС. Нет, презрение к людям. Ты видишь всех людей настолько ниже себя, что совершенно не боишься их и готов погладить по головке гремучую змею. Людей надо бояться. О, если б ты мог ненавидеть людей, я с удовольствием взял бы тебя с собою. Но ты эгоист, ты ужасный эгоист, и я даже не жалею, что ограбил тебя.

ВАНДЕРГУД. Значит..., значит, ты не берёшь меня с собою?

МАГНУС. Нет, дружище, не беру.

ВАНДЕРГУД. Так, одни миллиарды? Хорошо. Но твой план: взорвать землю, или что-то в этом роде? Или ты и здесь мне лгал?

МАГНУС. Нет, здесь я не лгал. Но ты не годишься идти со мною. Ты будешь постоянно хватать меня за руку, когда я подниму её, чтобы бить, твоё презрение начнёт хныкать: оставь их, не трогай, пожалей. О, если бы ты мог ненавидеть! Но ты ужасный эгоист, старина.

ВАНДЕРГУД. Да чёрт тебя возьми, наконец, с твоим эгоизмом! Я вовсе не глупее тебя, мрачная скотина!

МАГНУС. Прежде всего, не кричи, или я тебя выгоню. Слыхал? Да, пожалуй ты не глупее меня, но человеческое дело – не твоё дело. Понял, розовая скотина? Идя взрывать, я устраиваю мои дела. Всё это (*широкий жест рукой*) – мой завод, м о й! Чтоб ты делал с твоими миллиардами, если бы я не догадался взять их у тебя? Строил бы оранжереи и делал наследников? А я, дай мне всё золото, что есть на земле, и я всё его брошу в пекло моей ненависти. Ты слышишь, как поют дураки во всём мире? Это они заряжают пушки. Умному надо только приложить огонь к заправке, ты понимаешь? Ты можешь спокойно смотреть, как за тоненькой перегородкой лежат рядом блаженствующий телёнок и голодная змея? Я не могу. Я должен пробуровать маленькое отверстие, маленькое, а остальное они сделают сами. Ты знаешь, что от соединения правды с ложью получается взрыв? Я хочу соединять. Я ничего не буду делать сам: я только к о н ч у их работу. Пойдём со мною, товарищ! Ты хотел какой-то игры – мы дадим необыкновенный спектакль. Мы приведём в движение всю землю, и миллионы марионеток послушно запрыгают по нашему приказу. Это будет превосходная игра, ты получишь огромное удовольствие...

ВАНДЕРГУД. Мне кажется, что им будет больно.

МАГНУС. Очень возможно. Впрочем, они это сделают сами. Нет, не я, они сами. Мир застыл в полной неподвижности: вот чья-то улыбающаяся беззаботно голова, а над нею занесённый топор. Вот куча пороха, а вот падающая в порох искра. Но она остановилась и не падает. Вот чья-то грудь, а вот чья-то рука, делающая пулю для этой груди. Разве это приготовил я? Я только беру рычажок и – раз! – двигаю его вниз. Топор опускается на смеющуюся голову, пуля пробивает приготовленную грудь, искра падает в порох. А я только надавил рычажок. Подумай: разве я мог бы убивать, если бы в мире были только скрипки и другие музыкальные инструменты? Но у них другие инструменты. И я буду пользоваться их инструментами. Видишь, как это просто и интересно?

ВАНДЕРГУД. А дальше?

МАГНУС. Почём я знаю, что будет дальше? Я вижу только э т у страницу и решаю только э т у задачу. Я не знаю, что на следующей странице. А может быть, что это последняя страница. Откуда я могу знать! Нет, ты ничего не понимаешь в наших делах. Ах, если бы ты мог ненавидеть!

ВАНДЕРГУД. Я уже ненавижу.

МАГНУС. Ты? Ненавидишь? Кого?

ВАНДЕРГУД. Тебя. Я ждал, что твой ум поднимет тебя до величайшего злодейства, но ты самое злодейство превращаешь в подлость. Ты – трус, тебе не хватает смелости. Иди до конца. Тогда и я пойду с тобою..., может быть.

МАГНУС. Правда, пойдёшь?

ВАНДЕРГУД. А отчего мне не пойти? Пусть я – Презрение, а ты – Ненависть, мы можем идти вместе. Не бойся, я не буду хватать тебя за руку. Ты многое мне открыл, милая гадина, и я не стану удерживать твоей руки, если даже ты поднимешь её на себя.

МАГНУС (*молча ходит по комнате*). А Мария?.. Сейчас ты её увидишь. Я готов взять тебя с собою, но только после некоторого испытания. Ты всё ещё хочешь взять... Марию?

ВАНДЕРГУД. Да.

МАГНУС. Хорошо. Я сейчас её позову (*легонько стучит в дверь*). Сейчас придёт. (*Входит Мария. Вандергуд устремляется к ней и наклоняется над её рукой. Магнус кричит*). Не целуй руки! Оставь её руку! Мария, отойди от него. (*Мария отходит в сторону*). При всех твоих странностях ты порядочный человек, Вандергуд! Я тебя ограбил, но я не могу дальше позволять, чтобы ты целовал руку у... этой женщины. Ты должен сразу и немедленно переменить твой взгляд на людей. Это очень трудно, я сочувствую тебе, но это необходимо. Слушай! Ты был введён мною в заблуждение: Мария не дочь мне..., вообще у меня нет детей. И ... не Мадонна. Она – моя любовница, и была ею до вчерашней ночи...

(*Вандергуд ошарашенно смотрит на Магнуса, затем вытаскивает револьвер и несколько раз стреляет в него. Затемнение*).

ЗОНГ ТРИНАДЦАТЫЙ. К ОТВЕТУ !

В каком-то государстве свищут пули,
И вянет чья-то жизнь во цвете лет,
Кого-то очень подло обманули,
И мы об этом знаем из газет.

Но сытый голодранцу не товарищ,
И что нам незнакомая беда:
Ведь запах неувиденных пожарищ
Нам не шекочет ноздри никогда.

Как прочно ты и я сидим на стуле
И смотрим телевизорный рассказ.
Кого-то очень подло обманули,
Но это ведь кого-то, а не нас.

Помешивая ложечкой в стакане,
Прихлёбываем чай вечерний свой.
Трагедии на маленьком экране
Привычны, если мир такой большой.

И кто-то на закате, по утру ли
Прочтёт в газете, носиком сопя,

О том, что очень подло обманули,
Но только не кого-то, а тебя.

Споткнулась твоя жизнь на полдороге,
Но смерть покуда кровь не леденит,
Ты просишь о защите и подмоге,
А он лениво носиком сопит.

Мне душу, как ножом, полосонули
Пророчеством всеобщего конца.
Планету очень подло обманули.
Я требую: к ответу подлеца!

Пока ещё разумные законы
Наказывают подлость и обман,
Пока на свете живы почтальоны,
И светится надеждою экран.

(Глубоко в кресле сидит Вандергуд. Невдалеке на стуле Топпи. Мария стоит на своём месте. Спinoй к Вандергуду Магнус наливает себе вино).

МАГНУС. Хотите вина, Вандергуд? Теперь вам можно выпить. Видите, вы в меня не попали, а мои сотрудники вас обезоружили. Не знаю, радоваться, или нет, но я жив. Ваше здоровье, старина!

ВАНДЕРГУД. *(трогает свой лоб)*. Кровь...

МАГНУС. Пустяки, маленькая царапина, она сейчас подсохнет. Здесь Топпи. Вы ничего не будете иметь против, если ваш секретарь останется при дальнейшем разговоре? Он очень предан вам.

ТОППИ. Мистер Вандергуд! Это я, ваш Топпи.

ВАНДЕРГУД *(то ли плача, то ли смеясь)*. А трудно быть человеком, Топпи?

ТОППИ. Очень трудно, мистер Вандергуд.

ВАНДЕРГУД *(окончательно приходя в себя)*. Не знаю, радоваться мне, или нет, что я не убил тебя. Теперь я совершенно спокоен и просил бы тебя рассказать мне всё... об этой женщине. Но так как ты – лжец, то прежде всего спрошу её: синьорина Мария, вы были моей невестой, и в ближайшие дни я думал назвать вас своей женой. Скажите правду: вы действительно... любовница этого человека?

МАРИЯ. Да, синьор.

ВАНДЕРГУД. И... давно?

МАРИЯ. Пять лет, синьор.

ВАНДЕРГУД. А сколько вам лет сейчас?

МАРИЯ. Девятнадцать, синьор.

ВАНДЕРГУД. Значит, с четырнадцати лет?

ТОППИ. О боже!

МАГНУС. Сядь, Мария. Как видишь, Вандергуд, эта моя любовница – явление не совсем обычное. При её необыкновенном сходстве с Мадонной, способном обмануть и не таких знатоков в религии, как мы с тобою, при её чистоте и

прелести она с ног до головы продажная, развратная и совершенно бесстыдная тварь.

ВАНДЕРГУД. Магнус!

МАГНУС. Успокойся. Ты видишь, как она слушает меня? Даже твой старый Топпи ёжится и краснеет, а у неё всё так же ясен взор. Мария, ты слушаешь меня?

МАРИЯ. Да, конечно.

МАГНУС. Хочешь апельсин, или вина? Возьми там, на столе. Обрати внимание на её походку: она всегда идёт как будто по цветам. Как старый её любовник могу прибавить ещё одну подробность: её тело пахнет какими-то удивительными цветами. Теперь о её душевных свойствах. Она глупа, как гусыня, глупа непроходимо. Всё, что она говорила тебе, она говорила с моих слов. Я очень боялся, что ты, несмотря на любовь, увидишь её слишком явную глупость, и потому все последние дни скрывал её от тебя.

ТОППИ. О, боже! Мадонна!

МАГНУС. Вас это удивляет, мистер Топпи? И не одного вас. Помнишь, Вандергуд, я говорил тебе, как роковое сходство Марии привело одного юношу к смерти, вернее, к самоубийству? Он не мог вынести крушения своего идеала. Ты помнишь Джованни, Мария?

МАРИЯ. Немного.

МАГНУС (*смеясь*). Ты слышишь, Вандергуд? Точно так же и таким же голосом она сказала бы обо мне через неделю, если бы ты сегодня убил меня. Скушай ещё апельсин, Мария. Просто у неё нет того, что зовётся душою, совсем нет. Я много раз пытался заглянуть в глубину её сердца, её мыслей, и каждый раз кончалось у меня головокружением, как на краю пропасти: там нет н и ч е г о. Пустота (наливает вино, пьёт). Вот почему, Вандергуд, я не хотел, чтобы ты целовал руку у этой твари... Вы что-то хотели возразить, мистер Топпи?

ТОППИ. Да, синьор Магнус. Извините меня, но я просил бы позволения удалиться. Как джентльмен, хотя и... маленький, я не могу присутствовать при... при...

МАГНУС (*насмешливо*). При такой сцене?

ТОППИ. Да, при такой сцене, когда один джентльмен с молчаливого согласия другого оскорбляет женщину (*встаёт*).

ВАНДЕРГУД. Остайся, Топпи. (*тот покорно садится*).

МАГНУС. Можно продолжать? Мне осталось недолго. Да, я взял её, когда ей было четырнадцать лет, но я был уже не первый её любовник и... не десятый. Никогда я не мог узнать её прошлого. Она «не помнит», вот и всё. Но её глубочайшая развращённость, способная смутить даже султана, её необыкновенная опытность и смелость в искусстве любви подтверждает мою догадку, что она получила воспитание... при дворе какого-нибудь Нерона. Отчего не допустить, что ей не двадцать, а две тысячи лет? Мария..., ты всё умеешь и всё можешь?

МАРИЯ (*с лёгким неудовольствием*). Не говори глупостей. Что может подумать обо мне мистер Вандергуд?

МАГНУС (*хохочет*). Слышишь, Вандергуд, она дорожит твоим мнением. А если я прикажу ей немедленно в нашем присутствии раздеться...

ТОППИ (*истерически*). Боже мой, боже мой! (закрывается руками, подглядывая).

МАГНУС (*ньёт*). Так вот, дружище Вандергуд! Теперь ты знаешь почти всё о Марии, или Мадонне, как ты её называешь, и я тебя спрашиваю: ты хочешь её взять, или нет? Я отдаю её. Если ты скажешь да, она сегодня же будет в твоей спальне и... клянусь, ты проведёшь очень недурную ночь. Ну что?

ВАНДЕРГУД. Вчера ты, а сегодня я?

МАГНУС. Вчера я, а сегодня ты! Ты совсем плохой мужчина, если спрашиваешь о таких пустяках.

ВАНДЕРГУД. Ты кого мучаешь, Магнус: меня, или себя?

МАГНУС (*иронически*). Какой умный мальчик! Конечно, себя! Вы очень умный американец, мистер Вандергуд, и я искренне удивляюсь, что вы сделали такую плохую карьеру. Иди, прогуляйся с ней по саду. Когда ты увидишь Марию при лунном свете, три тысячи магнусов не в силах будут доказать, что это небесное создание такая же тварь, как...

ВАНДЕРГУД (*горячо*). Вы отвратительный мошенник и лжец, Фома Магнус! Ваше высшее образование закончилось, видимо, в каторжной тюрьме. Откуда вы принесли тот аромат, которым так густо пропитаны все ваши истинно джентльменские шутки и остроты? Меня начинает тошнить от вашей бледной рожи. Сделав женщину приманкой, как самый обыкновенный трущобный герой...

МАГНУС (*бьёт кулаком по столу*). Молчать! Ты невообразимый осёл, Вандергуд! Разве ты не понимаешь, что я сам был обманут ею. Кто не обманется, встретив Мадонну?! О, дьявол! Разве ты не видишь: это не женщина, это орёл, который ежедневно клюёт мою печень! Каждое утро, забыв вчерашнее, я вижу перед собою Мадонну и верю! Я думаю: не может быть, чтобы этот пречистый лик принадлежал проститутке. И бывало так, что я на коленях вымаливал прощения у этой твари! Как жрец я сам раскрашивал своего идола. Но правда была сильнее. И бывало так, что я к ночи бил её. Плакал и бил, как сутенёр бьёт свою любовницу. А потом... опять утро. И опять Мадонна. И опять... О, дьявол! Как печень у Прометея, за ночь выростала моя вера, и как коршун, целый день она терзала её.

ВАНДЕРГУД. И этого коршуна теперь ты хочешь отдать мне? У тебя уже не хватает корму? Кроме моих миллиардов тебе нужна и моя печень?

МАГНУС (*успокаиваясь*). Пойди к себе, Мария. Мне ещё необходимо поговорить с мистером Вандергудом. И вас, почтеннейший мистер Топпи, я также попросил бы удалиться.

ТОППИ. Если мистер Вандергуд прикажет.

(Вандергуд кивает. Мария и Топпи выходят).

ВАНДЕРГУД (*закуривая*). Ну ты! Довольно комедий и шарлатанства. Говори, что надо. Так ты хочешь отдать мне своего коршуна?

МАГНУС. Да. Это и есть то испытание, которое я хотел предложить вам. Дело в том, что все мои муки Прометея остались в прошлом. В сущности, я даже благодарен Марии. Своими зубками она выгрызла всю мою бессмысленную в е р у и дала мне тот ясный твёрдый взгляд на жизнь, при котором невозможны никакие обманы и... сантиметальности. Вы должны это понять и

испытать, если хотите идти вместе с Фомой Магнусом... И когда ваше оскорблённая душа загорится пламенем истинно человеческой неугасимой ненависти, приходите ко мне, я приму вас в ряды моего воинства, которое уже вскоре... (*встаёт, подходит к Вандергуду*). Ну! Ты ещё долго будешь думать, осёл? Скорее, или я тебя выгоню. Скорее! О чём ты думаешь?

ВАНДЕРГУД. Я думаю о том, какое ты злое, надменное, тупое и отвратительное животное! Я думаю о том, в каких источниках жизни или недрах самого ада я мог бы найти для тебя достойное наказание. Да, я пришёл на эту землю, чтобы поиграть и посмеяться. Да, я сам был готов на всякое зло, лгал и притворялся, но ты, волосатый червяк, забрался в самое моё сердце и укусил меня. Как ты смел меня обмануть? Я накажу тебя.

МАГНУС (*с расширенными глазами*). Ты? Меня?

ВАНДЕРГУД. Да. Я тебя.

МАГНУС. Полиция?

ВАНДЕРГУД. Ты её не боишься? Хорошо. Пусть все твои суды ничего не стоят, пусть на земле ты останешься безнаказанным, бессовестная и злая тварь. Пусть! Здесь я бессилён. Но наступит день, когда ты придёшь ко мне и вступишь под сень моей державы...

МАГНУС. Твоей державы? Постой, Вандергуд. Что же ты?

ВАНДЕРГУД. Я – Сатана. (*Магнус дико хохочет*). Понимаешь: я вочеловечившийся Сатана. Вочеловечившийся!

МАГНУС (*шатаясь от порывов смеха, раскрывает дверь и кричит*). Сюда! Идите сюда! Тут Сатана! Вочело... вочеловечившийся!

(*Вбегают Мария, Топпи, кардинал*)

КАРДИНАЛ. В чём дело, сеньор Магнус?

МАГНУС. Позвольте доложить следующее, ваше преосвященство. Мистер Генри Вандергуд только что заявил, что он Сатана. Вочеловечившийся Сатана. Как же нам быть, ваше преосвященство?

ВАНДЕРГУД (*к кардиналу с ироническим поклоном*). Да, я Сатана. Не только вочеловечившийся, но и ограбленный Сатана. Вам не известны те два мошенника, что ограбили меня? Не вы ли один из них?

КАРДИНАЛ (*преувеличенно испуганно, поднимая правую руку*). Изыди, Сатана!

МАГНУС. Смотрите на оципанного петуха. Это – Сатана!

КАРДИНАЛ (*захлёбывается от смеха, визжит, хлопает себя руками, почти истерически*). Изыди, Сатана! Ваде ретро, Сатанас!

МАГНУС. Не хотите ли стакан вина, ваше преосвященство?

КАРДИНАЛ. Приму с благодарностью.

МАГНУС. А Сатане мы не дадим... (*нёт*). Должен сказать, мистер Вандергуд, что ваше пылкое признание произвело на меня большое художественное впечатление. Но увы! – вы несколько отстали от времени. Грешников давно нет на земле, вы этого не заметили? А для преступников, мошенников простой комиссар полиции гораздо страшнее, чем сам Вельзевул со всем его штабом чертей. Всякий дурак знает, что беспристрастная история одинаково заносит на свои скрижали как имена праведников, так и имена злодеев. Всё дело в масштабе, мистер Вандергуд. Вам как американцу это должно быть особенно

понятно. Извиняюсь перед его преосвященством, но ни одна потаскуха с улицы не принимает так охотно нового гостя, как история нового... героя. Так что ни с адом, ни с историей дело у вас не вышло, лучше прямо посылайте за полицией. Но, боюсь, что и с полицией у вас ничего не получится. Дело в том, что его преосвященство вступил в некоторую долю в тех миллиардах, что вы совершенно законно уступили мне, и его связи... вы понимаете?

КАРДИНАЛ. Но он нагл. Он говорит, что он – Сатана. Выставьте его вон, синьор Магнус. Это кощунство!..

МАГНУС. Разве? Я и не знал, что Сатана тоже принадлежит к лику...

КАРДИНАЛ. Сатана – падший ангел.

МАГНУС. И, как таковой, он также у вас на службе? Я понимаю. Слышите, Вандергуд? Его преосвященство недоволен вашей дерзостью (*подмигивает Вандергуду*). Я думаю, ваше преосвященство, что здесь простое недоразумение. Я знаю скромность и начитанность мистера Вандергуда и полагаю, что к имени Сатаны он прибег, как к художественному приёму. Разве Сатана грозит полицией? А он грозил ею. И разве вообще кто-нибудь видел т а к о г о Сатану? (*смеются вместе с кардиналом*).

ТОППИ. Идиоты!..

МАГНУС (замечая это и становясь серьёзным). Довольно смеяться! Это глупо. Я ни во что не верю и оттого я в с ё допускаю. Пожми мне руку, Вандергуд: я готов допустить, что ты – Сатана. Потому что я всё равно тебя сейчас выгоню. Слышишь... чёрт? (*грозит пальцем*). Если ты Сатана, то зачем пришёл сюда? Играть, ты говорил? Смеяться над нами, людишками? Придумать какую-нибудь злую игру, где бы мы плясали под твою музыку? Ну так ты опоздал. Надо было приходить раньше, а теперь земля выросла и больше не нуждается в твоих талантах. Посмотри на меня, Фому Магнуса, который так легко обманул тебя, посмотри на Марию, на кардинала. Где в твоём аду ты найдёшь таких бесстрашных, на всё готовых чертей? А они даже в историю не попадут, такие они маленькие. И сейчас мы устроим грандиозный фейерверк! Видишь этот брусок, Сатана, или как там тебя? Вот сейчас я подключу к ним проводки и... (*Мощный взрыв, молния десятикратным эхом потрясают пространство. Постепенно рассеивается дымовая завеса. Все участники сцены в прежних, но безжизненных позах восседают на своих местах. Гробовая тишина. И на заднике сцены медленно поднимается вверх фигура Сатаны, потрясающего зал саркастическим хохотом.*)

ЗОНГ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. СПОСОБЕН ЛИ ТЫ НА ЭТО?

Угроза войны дни и ночи висит над землёй.

Себя защитить неспособна сегодня планета.

Вступиться и знать, что, быть может, рискуешь собой, -

Способен ли ты на это?

И если с неправдой столкнёшься, за правду борясь,

И будет в борьбе каждый честный твой шаг оклеветан,

С пути не свернуть, не втоптать своей совести в грязь, -

Способен ли ты на это?

Суровый наш век на добро и на зло разделён.
Не просто шагать по канату непрочного века.
Спроси у себя, на какой ты из этих сторон:
Способен ли ты сохранить на земле человека?
Способен ли ты сам в себе сохранить человека?!

К О Н Е Ц